

О Юрии Павловиче

Е.В. Розенфельд

Умные нам не надобны. Надобны верные.

А. и Б. Стругацкие, «Трудно быть богом»

Юрий Павлович сильно отличался от большинства людей, с которыми я общался. Он был человеком абсолютной честности и абсолютной порядочности, но нисколько этим не гордился и никого не призывал тоже быть честными и порядочными. Он был человеком чрезвычайно умным и проницательным, но никого этим не подавлял и вел себя со многими людьми очень просто, чуть ли даже не застенчиво. Иногда он мне казался человеком не вполне от мира сего, скажем, когда совершенно одинаково мягко и благожелательно разговаривал с уборщицами и академиками, или когда я понял, что он недолюбливает телефон, и ему проще пройти в другой конец здания по длинным институтским коридорам, чем поднять трубку и позвонить туда.

Но больше всего выделяла Юрия Павловича среди других людей одна удивительная и не сразу бросающаяся в глаза особенность. Он всегда говорил (если, конечно, говорил) в точности то, что думал, и если он считал необходимым что-то высказать, то высказывал это, не считаясь с возможными для себя последствиями. Еще более удивительно то, что и действовал Юрий Павлович в полном соответствии с классической максимой «Делай что должно, и будь что будет». Большое видится на расстоянии, и отчетливо сформулировать эту мысль я смог только наблюдая в конце 80-х, как академик Сахаров тихо и почти невозмутимо высказывает свое мнение беснующейся толпе депутатов. Юрий Павлович, конечно, государственных вопросов не решал, но мне кажется, что иногда чем мельче проблема, тем труднее при ее решении не отойти ни на йоту от своих принципов.

Ну, вот простейший пример. Много раз Юрий Павлович повторял, что исключительно важно принципиально относиться к рецензированию, а главное – к оппонированию. Этой работе он уделял очень много времени, и даже какой-нибудь рецензией на статью мог заниматься несколько дней, не говоря уж о диссертациях. Он был совершенно уверен, что плохие работы пропускать нельзя: любой прошедший наверх карьерист потянет за собой лавину себе подобных, и в науке воспрепятствовать этому будет особенно трудно. Поэтому все рецензии Юрия Павловича были всесторонне взвешенными, глубоко обдуманными и иногда крайне нелицеприятными.

Еще один пример. Очень вскоре после того, как мы пришли в его группу, Юрия Павловича пригласили с докладом на конференцию в Голландию, и там за этот доклад ему

дали немного денег. Мы к тому времени наработали совсем немного, и в число авторов не входили, хотя результаты каких-то наших расчетов Юрий Павлович в доклад включил. Поэтому он посчитал себя обязанным часть денег потратить на нас, и каждому купил там (за валюту в начале 70-х!) часы.

Я хочу подчеркнуть, что здесь есть сразу три важных момента, которые ярко выделяют три важных особенности личности Юрия Павловича. Ну, действительно, вполне можно представить себе человека, который вспомнит о том, что неплохо было бы привезти из-за границы какие-нибудь безделушки сотрудникам. Но многие ли из этих людей привезут презент не начальнику и не его секретарше, а стажерам, которые работают у него без году неделю? А кто из них потратит на этих стажеров не какую-то мелочь, а значительную часть той мизерной суммы, которую ему самому дали? И наконец, кто из них сочтет необходимым купить разные часы, соизмеряя их стоимость со значимостью вклада в общую работу?

Последнее, как я понимаю, уже было напрямую связано с представлением Юрия Павловича о роли организатора науки, а проще сказать – о роли любого уровня администрации научных институтов. Юрий Павлович совершенно определенно считал, что кроме второстепенных административных и хозяйственных функций у руководителя есть две важнейшие задачи. Во-первых, он должен быть достаточно компетентным, чтобы понимать, чем занимаются его подчиненные, и иметь возможность адекватно оценивать сравнительную важность и значимость их работ. Во-вторых, руководитель должен распределять имеющиеся в его распоряжении аппаратуру и средства исходя из этих факторов и вне зависимости от того, чем он сам занимается. Этим двум принципам Юрий Павлович следовал всегда, а вот пустое бумагомарание не особенно любил, так что завлабом пробыл совсем недолго.

Мне кажется, это стремление во всем выделять главное и подчинять ему остальные второстепенные обстоятельства было очень характерным для Юрия Павловича. Похоже, он всегда старался минимизировать неприятности, проблемы и заботы, связанные с бытом и общением с окружающими, если, конечно, дело не касалось вещей принципиальных. Мнение свое он почти всегда высказывал в крайне мягкой форме и был готов, и даже, казалось, рад еще его смягчить, если собеседник настаивал, а вопрос был не слишком важным. Возможно, дело здесь в его интеллигентности и душевной чуткости, но не исключено, что ему просто было бы неприятно, если бы человек, с которым он общается, оказался не настолько идеален, насколько ему хотелось бы. Попробую пояснить это довольно странное утверждение.

Я попал в ИФМ сразу после окончания УрГУ осенью 1971 г. по рекомендации Кирилла Борисовича Власова, у которого писал диплом. С местами тогда было туго, и к себе Кирилл Борисович взять меня не мог, хотя к тому времени у нас уже была в печати совместная работа. А Юрий Павлович, участвовавший в проекте по RCo_5 , мог набирать стажеров по этой тематике. Как именно происходили переговоры между Юрием Павловичем и Кириллом Борисовичем, я могу только догадываться, но в результате мне была назначена встреча на третьем этаже перед читалкой.

Уже потом, работая с Юрием Павловичем, я понял, что разговоры с людьми, которые не имели непосредственного отношения к части работы, выполняемой нами (мы все сидели в одной комнате), он предпочитал вести где-нибудь снаружи - в читалке, если там было пусто, или просто в коридоре. И дело не в том, что разговоры эти были конфиденциальными, Юрий Павлович просто стремился как можно меньше беспокоить окружающих, в том числе и нас, молодых стажеров. А в 1971 он, кажется, сидел вместе с Куркиным и Танкеевым, так что о собеседовании в комнате и речи быть не могло.

Тематика, которой я занимался у Кирилла Борисовича, никакого отношения к RCo_5 не имела, и я ожидал, что придется сдавать еще один экзамен. Действительно, задав несколько вопросов по поводу каких-то формальных обстоятельств и документов, Юрий Павлович как-то застенчиво спросил, готов ли я побеседовать насчет физики. Я сказал что готов, и он опять как-то смущенно задал вопрос: «Как меняется энергия обменного взаимодействия пары атомов при возрастании расстояния между ними?» Я ответил, что энергия спадает экспоненциально, ожидая, что сейчас-то экзамен и начнется. Но Юрий Павлович внезапно оживился и сказал: «Очень хорошо. Вы мне подходите», - и на этом экзамен был закончен. Тогда я ничего не понял, а теперь мне кажется, что и вопрос он задал такой несложный, и так обрадовался, когда я на него ответил, просто потому, что опасался обнаружить, что ситуация гораздо более грустная, чем описал Кирилл Борисович. Мне кажется, пойдя ему навстречу и согласившись побеседовать со мной, Юрий Павлович уже считал себя связанным некоторыми обязательствами, и ему было бы неприятно, если бы пришлось отказать.

Думаю, примерно теми же причинами объяснялось и его отношение к еде в институтской столовой, которое меня в то время просто поражало. Видимо, Юрий Павлович очень любил супы, потому что когда мы с ним обедали вместе, суп он всегда брал. И всегда после первой ложки с удовольствием говорил что-нибудь вроде: «А Вы знаете, Женя, куриный суп сегодня особенно хорош». Поначалу я и правда поверил, что столовая ИФМ отличается от всех остальных, но очень быстро понял, что это не так.

Не думаю, что Юрий Павлович не понимал, что за жидкость у него в тарелке. Мне кажется, дело просто в том, что он был крайне неприхотлив во всем, что касалось быта, и очень не хотел тратить время и силы на решение бытовых вопросов. Разреши он себе думать, что суп в столовой – это не вполне суп, и из разряда не стоящих внимания мелких неудобств это превратилось бы в проблему, которая имеет реальное значение, и потому должна быть решена.

Такой проблемой стала, скажем, вентиляционная труба, проходящая в стенном шкафу в нашей комнате. Много лет она молчала, а потом к ней подключили какой-то вентилятор, и она начала гудеть. Юрий Павлович сначала старался не обращать на это внимания, потом пытался плотнее закрывать шкаф и затыкать в нем щели, попробовал даже ходить работать в читалку. Но в конце концов он сказал: «Так дальше невозможно. Эта труба мешает работе», - и отправился к начальству, что делал только в исключительных случаях. Проблема перешла в другой разряд, и с этого момента Юрий Павлович не жалел сил и времени, пытаясь ее решить.

Вообще выбору задачи, над которой будет работать, Юрий Павлович придавал исключительное значение. Сравнивалась важность и перспективность разных проблем, обсуждались возможные пути и сроки их решения, и так могло продолжаться в течение многих дней. С утра Юрий Павлович всегда работал дома – это время посвящалось решению проблемы первостепенной на тот момент важности. Приходил он в ИФМ в начале второго, шел в столовую и с двух работал над менее сложными вопросами. Он всегда говорил, что человек не может думать сразу над несколькими задачами, и потому старался четко разделять их во времени. И уж если брался за какую-то задачу, то стремился сам и приучал нас ни в коем случае не бросать ее на полдороге. Сколь бы безнадежной задача ни казалась, он считал (и неоднократно доказывал это на деле), что раз ты за нее взялся, то должен получить какой-то ясный, хотя, возможно, и не окончательный результат.

Пару слов о том, как определялась значимость задачи. То, что тема модная, или за нее могут подбросить денег, никак не учитывалось. Приоритетом было решение какой-нибудь физической проблемы, хотя бы в частном случае или на каком-нибудь самом простом примере. Важно было, во-первых, получить результат и, во-вторых, довести его до числа. При этом чем проще была конечная формула, тем более ценной она считалась, поскольку Юрий Павлович полагал, что одним из важнейших требований, предъявляемых к теоретическим результатам, должно быть удобство их использования экспериментаторами. Мои разговоры насчет того, что нужно бы не упрощать формулы, а поднимать уровень образования, он не одобрял и, как я теперь понимаю, правильно делал. В конечном

итоге, чем больше сил ты тратишь на то, чтобы упростить результат, тем это тебе самому и результату полезнее.

В заключение о том, почему я выбрал столь странный эпиграф к этим обрывкам воспоминаний. Еще до того как начать писать, я уже знал, что именно эти слова должны стать эпиграфом, и поначалу у меня не было никаких сомнений в том, что они означают применительно к Юрию Павловичу. Конечно же, он был умным, я бы сказал даже мудрым человеком. И, конечно же, глубоко отвратительна была ему эта холопски-бюрократическая власть, ужимки которой он изредка очень тонко высмеивал. И власти этой умный, независимый и способный прямо говорить то, что думает, Юрий Павлович был ненужен. Вернусь еще раз к той же гудящей трубе. Несколько месяцев он писал заявления и ходил на приемы, но единственное чего ему удалось добиться – трубу в шкафу обложили картоном, который немного ослабил звук. Никому даже в голову не пришло, что систему вентиляции, мешающую думать Ирхину, нужно просто переделать, а еще лучше – дать ему отдельный кабинет со звукоизоляцией, которая, кстати, отделила бы его и от нас, изрядно, наверное, его достававших.

Однако, по мере того как текст этот выстраивался, у меня стало крепнуть ощущение, что слова в эпиграфе имеют и другой, гораздо более глубокий смысл. В мире полно умных людей, которые все видят, все понимают, но сделать ничего не могут, потому что будучи умными, отлично знают, что им за это будет. Если бы все на свете были такими умными, то мир давно уже превратился бы в одну огромную выгребную яму, потому что энтропия растет и конечным итогом любого естественного процесса всегда будет только куча навоза. На самом же деле человечество от века к веку становится все менее диким и все более разумным – на куче навоза растут дивные прекрасные цветы. И происходит это только потому, что изредка встречаются на свете люди, которые в любых обстоятельствах остаются верными своим принципам и своей совести. Именно эти люди противостоят общему потоку и заставляют его изменить путь, и именно таким человеком и был Юрий Павлович.